

**ЧИТАЙТЕ МИСТИЧЕСКИЕ ТРИЛЛЕРЫ
АРТУРА ГЕДЕОНА
В СЕРИИ «ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ»:**

ЗВЕЗДНАЯ КАРТА ЦАРЯ САУЛА

ЦИКЛ «ЛЕШИЙ»

ЛЕШИЙ. ХОЗЯИН ЧЕРНОГО ЛЕСА

ЦИКЛ «ЛИЛИТ»

ЛИЛИТ. ЗЛОЕ СЕРДЦЕ КУКЛЫ

ЛИЛИТ. ОГНЕННАЯ ДУША КУКЛЫ

ЛИЛИТ. КУКЛА ИЗ ВЕЧНОЙ ТЬМЫ

ЛИЛИТ. В ЗЕРКАЛЕ ФАУСТА

Артур Геден

ЛИЛИТ

В зеркале Фауста

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г28

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Гедеон, Артур.

Г28 Лилит. В зеркале Фауста / Артур Гедеон. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211727-5

Для всех Горислав Горецкий — уважаемый ученый, университетский профессор, любимец студентов. Но самого его жизнь давно не радует. Горецкий чувствует, что жил напрасно и не постиг того, чего хотел больше всего на свете: магии, в существовании которой никогда не сомневался. Случайно встреченная прекрасная незнакомка по имени Лилит предлагает ему все изменить: вернуть молодость и здоровье, овладеть тайными знаниями, познать любовь прекраснейшей из женщин. Конечно, Горецкий соглашается! Со временем он понимает, что условия этого договора ему знакомы, но уже слишком поздно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гедеон А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211727-5

«Отныне будет мне подвластно все,
Что движется меж полюсов спокойных.
Цари и короли повелевают
В пределах стран своих; они не в силах
Прорвать завесу туч иль вызвать бурю;
Но тот, кто магом совершенным стал,
Имеет власть во всем подлунном мире.
Могущественный маг подобен богу.
Итак, свой разум, Фауст, изощрай,
Стремясь божественной достигнуть власти».

*Кристофер Марло,
«Трагическая история доктора Фауста»,
1588–1589 гг.*

ПРОЛОГ

Он сидел на краю обрыва в кожаной куртке и джинсах, в элегантном кепи, заломленном набок. Курил свой «Кэмел» и смотрел в бездонную пустоту. Под ним был гигантский кратер, который миллиарды лет назад выбил здесь безымянный метеорит. На земле астрономы называли этот провал «Южный полюс», или просто Эйткен. Ну что ж, южный так южный. Эйткен так Эйткен. Еще его зовут бассейном или океаном. Но воды здесь нет — одна черная пустота. И другого берега не увидеть ни в один бинокль. Две с половиной тысячи километров в диаметре! Восемь километров в глубину холодной безжизненной планеты, одинокого спутника Земли.

Дымчатая тьма окутала эту часть Луны, создавая вечный эффект ранних сумерек. Сюда никогда не попадали прямые лучи солнца, но пронзительный свет отражался от других планет и возвращался к Луне, на заре человечества обожествлявшейся всеми народами мира. Ей посвящены рисунки пещерных людей, первые эпосы, сказки, поэмы, баллады, стихи. Она неизменно будоражит воображение ученых, магов и влюбленных. Вечный магнит, за-

ставляющий диких зверей и одиноких людей с тоской смотреть ввысь и протяжно выть, вызывая к неведомому. Планида, повелевающая приливами океанов и морей на Земле. Спутник, который с неизбывной грустью смотрит миллиарды лет на живую сестру, бурлящую страстями, неистовыми красками, волшебными звуками, неистощимой любовью. Ему не дано переживать ничего, кроме вечного прозябания в пустоте.

Изгнанница, бесприданница, вечная защитница и завистница. Одинокая принцесса Луна...

— Ну что, ты наслаждался этой пустыней? — спросили у него за спиной.

Он даже не оглянулся. Только сделал затяжку.

— Я угнетен и подавлен.

— Ты хотел лицезреть темную сторону Луны — и увидел ее.

Теперь он обернулся. Она стояла над ним подбоченившись, в черной коже, в приталенной куртке и штанах в обтяжку, в агрессивной фуражке, в черных кожаных перчатках.

— Ты чертовски сексуальна в таком наряде, — с улыбкой заметил он.

— Знаю.

— И опасна.

— Тоже знаю.

Он сделал еще затяжку.

— Я бы предпочел увидеть тебя в коротком летнем платье.

— С венком из ромашек на голове?

— А тебе бы пошло.

— Не думаю. Быстро увяли бы ромашки. Ну так что, едем назад?

— Я подумал о глупости человеческой, — проговорил он. — У людей есть прекрасная планета, данная им просто так, как миллионный выигрыш конченому лоху, который единственный раз в жизни потрудился купить лотерейный билет. И теперь он, тупоголовый, в шоколаде и знать не знает, куда ему девать эту кучу денег. Но ведь и так ясно, что рано или поздно он все промотает. Люди каждый день рубят сук, на котором сидят, травят свой

дом ядерными отходами, гадят под себя, как парализованные псы в ящике в прихожей, и при этом мечтают полететь на Марс и вырастить там репку. Дебилы!

— Таков род человеческий.

Он сделал последнюю глубокую затяжку и выстрелил бычком в черную пустоту.

— Мало утешает.

Она снисходительно вздохнула:

— Едем назад, дорогой. Тебе скоро выступать в клубе «Меркурий-холл» с твоим эксклюзивным аттракционом. Ты собирався поразить этих недорослей сногшибательным выступлением «Больше чем бог!», и я тебе в помощь. А то, что ты агрессивен и зол, только хорошо. Придаст остроты ощущениям этих олухов.

— Еще как придаст, — согласился он. — Уж поверь мне!

Они спускались с холма вниз, на открытое пространство. Сумеречная часть луны уходила к горизонту. Тут все было изрыто кратерами — большими и малыми. Младшая сестренка Земли всю свою историю подставляла холодные твердые бока под беспощадные удары, спасая животворящую старшую сестру, оберегая и сохраняя ее для великих дел.

Внизу их дожидались два роскошных «Харлея». Они сверкали крутыми боками, искрились хромом; рогами азиатских буйволов смотрелись два руля.

Его спутница первой перебросила ногу через седло, крепко взялась за рукояти. Сдунула светлую прядь, выбившуюся из-под фуражки и упавшую на глаза.

— Ну что, домой?

— Едем, — кивнул он и тоже забрался в седло.

Они одновременно крутанули тугие черные рукояти, и два мотора зычно и низко взревели под ними...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРЕСМЕШНИК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Изгоняющий дьявола

1

Бывает время, когда мир кажется нам землей обетованной. Дарованным человеку на веки вечные Эдемом, где следует не терпеть боль и страдания, а только испытывать радость бесценной жизни. И случается это в такие вот дни, как теперь: снежной теплой зимой, в утренние часы, когда все белым-бело и девственно чисто. Когда вороны кричат над пустыми лесами, сползающими с ближних холмов, когда заливаются лаем своры гончих псов; опережая охотников, они преследуют оленя, а сами люди в подбитых мехом кафтанах, с луками за плечами и ножами у широких кожаных поясов вязнут в глубоком снегу, весело бранятся на эту напасть и то и дело трубят в рога. Ну а в замке, что высится над округой, белыми островерхими крышами касаясь низкого молочного неба, ждут хозяина и его друзей с добычей любящая хозяйка, домочадцы и многочисленная прислуга.

Будет пир, будет!..

Прочно влившись в седло мускулистого вороного жеребца, выдыхая пар, рыцарь улыбался и думал именно так. Бывают же радостные дни! Еще одна теплая зима на землях Священной Римской империи, да хранит ее Господь! «Но это не Эдем, — жестко улыб-

нулся он про себя, разглядывая ползущих по холмам охотников, поспевающих за собаками и преследующих добычу. И тотчас сурово замотал головой, подтверждая сказанное. — Далеко не Эдем!»

— Этот мир — жестокая схватка, — вслух произнес он, сжав рукоять меча у левого бедра под плотным шерстяным плащом. — Слышишь, Герберт? — Он обращался к всаднику за своей спящей. — И Пляска смерти ждет всех впереди. — Белый прозрачный пар вырывался изо рта рыцаря, очерченного жесткой темной бородой и усами. — Великих королей и сиятельных герцогов, благочестивых епископов и гордецов-баронов, ненасытных куртизанок в парчовых одеждах и грязных уличных шлюх, неумолимых тружеников — рыбаков и землепашцев — и жалких нищих. — Он поднял голову к низкому молочному небу, словно требуя подтверждения своих слов у него: — Об этом кричат вороны над лесом, да кто ж их услышит? Люди боятся своего будущего, они глухи ко всему страшному, что стережет их. А оно их стережет! Что скажешь, небо?! — громко спросил он. — Даже утренняя птаха поет нам о смерти, но кто знает птичий язык!

— Еще одна цитата из Экклезиаста? — сдерживая коня, неуверенно и отчасти беззаботно спросил его молодой спутник — секретарь и слуга в одном лице. Он выдувал из-под капюшона, глубокого надвинутого на голову, тот же прозрачный белый пар. — Я угадал, мастер Неттесгейм? Или... это из святых отцов?

— Не богохульствуй, невежественный юноша, — строго оборвал его рыцарь. — Писания святых отцов проникнуты надеждой. Я же пою о скорби, и уже одним этим богохульствую, потому что христианская вера говорит нам: любой, кто впадает в уныние, грешник!

— Простите, мой господин, — покорно склонив покрытую голову, добавил молодой человек с той степенью иронии, которую ему мог позволить великодушный патрон. — Я был не прав — ведь я пока что всего лишь недоучка.

— Но я заканчиваю мысль и тем оправдываюсь перед Создателем: я не унываю! Потому что, как верный слуга Господа, знаю наверняка: душу истинного праведника ждет рай. Только его душу!

Истинная земля обетованная! Остальным, Герберт, мальчик мой, — рыцарь оглянулся на спутника, — уготована иллюзия здесь — на земле, и вечное проклятие за пределами этого мира. — Он натянул поводья. — Едем же, в замке давно ждут нас. Нам нужно застать одержимого живым, пока ревнители веры, здешние инквизиторы, не запытали его каленым железом. Демон, что вселился в этого несчастного, сделав его безумцем, позвал меня. Но я-то знаю, кто говорил устами демона! Страшнее того человека нет никого на свете. Вот кто опаснее ста легионов бесов. На этот раз он открыто бросил мне вызов! Предложил игру, из которой только один из нас выйдет живым. И я поднимаю эту перчатку! Только бы нам успеть!

И господин и слуга, ударив шпорами в бока своих коней, скорой рысью понеслись по заснеженной дороге, что вилась по холмистой равнине к каменному оплоту на горе.

Шаги десятка людей гулко разносились по каменному тоннелю. Мастер Неттесгейм, его слуга Герберт, комендант и мрачный лицом священник шли по бесконечному сырому коридору в окружении молчаливой стражи, закованной в латы. Жадно бросался на темноту огонь пылающих факелов в руках охранников. Тут, под замком, раскинулся целый лабиринт, расходившийся десятками рукавов во все стороны. Враги герцога фон Краузе трепетали при одном упоминании мрачного города под землей — тут можно было сгинуть навечно. Побаивались этого места и окрестные жители. Если кому и не было дела до подземелья, где допытывались правды, нужной палачам, так это веселым и кровожадным охотничьим псам наверху, звонкоголосым птицам да быстроногим оленям, которых ждали мясники с вертелами в замковой кухне.

— Его изловили в окрестной деревне, мастер Неттесгейм. Кто он? Откуда взялся? Ничего о нем не известно! — торопливо говорил комендант замка, крепыш в пузатой кирасе и шлеме. Он с уважением и даже подобострастием поглядывал на гостя. — Бедняга явился в деревню в разорванной одежде. Он ворвался в церковь. Мычал, блеял, кукарекал! Думали, пьян.

Нет! Хуже. Пригляделись: ясное дело, спятил. Его скрутили, он забился и завыл. Местный священник, благочестивейший слуга Господа, прочел над ним горячую молитву. Корчи стали одолевать безумца. Вот когда все стало проясняться! Священник оказался крепок духом — прочел еще несколько молитв, и еще. Больной, а его крепко связали, хрипел, рычал, пускал слюни. Горшки полетели со стен. Едва распятие не рухнуло. Вы представляете, мастер? А потом он потерял сознание, да не насовсем, — поспешно кивнул комендант. — И вот когда он вновь открыл глаза, тут все и отступили от него. На деревенщину смотрел другой человек. Да и не человек вовсе! А потом он произнес эти несколько слов, и таким голосом, от которого у всех кровь застыла в жилах. Половина народу сразу сбежала прочь, а другие сбились в кучу и трепетали.

— Что скажете вы, святой отец? — обратился тот, кого называли мастером Неттесгеймом, к сухопарому и мрачному лицом священнику, шагавшему слева.

— Там был наш человек, — ответил отец-инквизитор. — Верный слуга святого престола, один из тех, кого мы держим в империи именно для того, чтобы и стены имели уши.

— Продолжайте.

— Господин комендант прав: произнося те слова, одержимый преобразился. Вернее, говорил демон внутри его. Это было как будто «живое послание» — вам, мастер. «Найди меня, Агриппа Неттесгейм, охотник за демонами! Я жду тебя день и ночь!» Он произнес ваше имя так, будто хотел посмеяться над вами. Но верно и другое: он жаждал с вами встречи, в этом мы тоже не сомневаемся. А потом он назвался. «Ты знаешь меня, это я — Фауст! Тень за твоей спиной!» Его тотчас же доставили в клетку сюда, в замок Бергенсберг, лично под надзор герцога фон Краузе, который является верным защитником интересов Священной Римской империи и ее церкви. И немедленно послали за вами.

— И мудро поступили, клянусь Богом.

— В нем сидит не простой бес — демон.

— Увидим, — кивнул рыцарь. — Одержимого пытали?

Священник молчал. Громко бухали кованые сапоги охраны по каменному тоннелю. Они спускались по крутым узким лестницам вниз и вновь шли по коридорам.

— Святой отец, я задал вопрос: его пытали? — переспросил мастер Неттесгейм.

— Да, мастер, — не сразу ответил священник, едва они покинули узкую винтовую лестницу. — Я распорядился подвесить его на дыбу, — с лицом в высшей степени скептическим уточнил он. — Но применили только второй уровень пытки — растяжкой жил и водой.

— То есть на жаровню положить не успели?

— Нет, мастер, не успели.

Мастер Неттесгейм кивнул:

— И то ладно. Но что вам мог сказать одержимый? Вы же не требуете, чтобы младенец читал вам «Послание к коринфянам»? Святой отец? Вначале мы должны освободить это тело и душу от демона, который сидит в несчастном, и только потом дознаться, при каких обстоятельствах нечистый вселился в него. Только так — другого пути нет. Демону не страшны пытки, которым вы подвергаете одержимого. Мучиться будет плоть, и то без толку. Человек-то себя осознать не в силах. А демону страшны только молитва и стражи небесные — ангелы, которые приходят на помощь экзорцисту.

— Мы это поняли, сняли его и отправили обратно в волчью клетку под замок. У меня прежде не было такого опыта, мастер. То, что сидит внутри этого человека, страшнее любой ведьмы и опаснее любого колдуна!

— Вот именно! И я знаю, чего испугались вы, святой отец.

— И чего же я испугался, мастер?

Неттесгейм остановился, и с ним застыла вся процессия.

— Что одержимый отдаст Богу душу, и тогда демон выпрыгнет из мертвой плоти, а вот в кого угодит он, чьей душой прельстится, это вопрос. Как правило, он прельщается либо грешниками, либо людьми слабыми, готовыми совершить грех. Попробовал бы какой демон приблизиться ко мне — вот бы я посмеялся! Признайтесь, что я прав.

Священник упрямо промолчал, но было ясно, что рыцарь не ошибся.

— Но знаете, вы поступили мудро. Не имея рядом надежной духовной защиты, человека, облеченного высшей властью, с которым демон не способен находиться близко, вы рискуете стать новой жертвой бесовской твари. — Он вновь продолжил путь, бросив назад: — Это правильно, что вы оставили его в покое, святой отец. Видел я такое переселение из одного тела в другое — страшная картина!

Вскоре перед ними отворили низкие двери. Стражники поспешно расступились в стороны.

— Прошу вас, мастер Неттесгейм, — указал рукой вперед комендант замка. — Прошу вас.

Отошел в сторону и мрачный лицом священник. Рыцарь первым переступил порог полутемной камеры.

— Солдаты, осветите мне, — приказал он.

Два человека с факелами встали позади экзорциста. В большой клетке, рассчитанной на крупного зверя, сидел скорчившийся оборвыш — упитанный мужчина средних лет. От его кафтана остались лохмотья. Сейчас он скорее походил на пойманное дикое животное, чем на человека. Он казался безобидным в этой клетке, но самое страшное было то, что сидело сейчас в нем. Что разлилось по всему его естеству и руководило им. И если *это* и затихло сейчас, то лишь потому, что вновь играло с людьми.

Но Агриппа Неттесгейм был тотчас узнан, и рычание пошло из клетки по всей камере. Так рычит дикий зверь, посаженный под замок, когда к нему приближаются незнакомцы, готовые причинить зло.

Движением руки Неттесгейм остановил своих спутников, и те покорно и с радостью застыли у него за спиной. Никому не хотелось приближаться к одержимому. Экзорцист смотрел на чудовище в человеческой шкуре, то глядело на него, издавая негромкий клокочущий гортанный рык.

— Подобные тебе меня не ищут — они бегут от одного моего имени, — сказал Неттесгейм. — Они знают: когда я выбью их мо-

литвой из несчастного, чьим телом они завладели, как ты завладел телом этого горожанина, их ждет кара небесная. Иных ангелы уничтожат на месте. И все-таки твой хозяин послал тебя ко мне. Так для чего я понадобился ему? Вот вопрос...

Сжав прутья клетки грязными руками, одержимый неотрывно смотрел на гостя. Пламя факелов плясало в его глазах, сейчас будто залитых кровью. Он смотрел и тихо рычал. Но ответа не было. Зато на чумазом лице вдруг возникла лукавая и жестокая улыбка. Он будто ожил, проявил себя! Не сдержался — выдал свое присутствие!

— Это мы сейчас и узнаем, — кивнул Неттесгейм и протянул руку назад. — Ученик, мой крест и Библию!

Герберт поспешно достал из седельной сумки старое распятие, шагнул вперед и протянул учителю крест.

— Стой рядом и читай про себя! — приказал Неттесгейм.

— Что читать?

— Читай Апокалипсис!

— С какого места, учитель?

— С начала!

Герберт вцепился в Святое Писание как в спасительную и чудодейственную реликвию, открыл в нужном месте и стал быстро читать. Только губы и шевелились. Он читал со страстью, будто видел сейчас спасение только в этой книге. Впрочем, так оно и было.

— Ему три века — этому кресту, — обращаясь и к одержимому, и присутствующим, громко сообщил Неттесгейм. — Его выточил собственными руками великий Франциск Ассиизский, когда обратился в монашество. Сам Господь призвал Франциска и вложил в его руку резец скульптора. В этом живом кресте сила сокрушающая и беспощадная. Никакая тьма не устоит перед ним. — Экзорцист подошел еще ближе к клетке и выставил крест вперед. — Именем Господа призываю Деву Марию и архангела Михаила, давнего противника сатаны, и всех святых себе в помощь!

Внезапно, озираясь по сторонам, одержимый взвыл, а потом захрипел, а вслед за этим стал метаться по клетке, сотрясая прутья, но та была крепка и надежно привинчена к полу. Все от-

ступили назад, оставив впереди одного человека — Агриппу Неттесгейма. Даже Герберт, вцепившись в Библию, отступил.

— Ни шагу дальше, — предупредил его учитель.

Голова одержимого, как у затравленного зверя, крутилась по сторонам. Он то смотрел вправо, то влево, то оборачивался. Будто он что-то видел, чувствовал, чего-то боялся! Так человек в крошечной темноте, ничего и никого не распознавая, чует, как к нему подходят его более сильные враги. Нечленораздельные вопли и стихийные угрозы, несомненно, касались и того, что видел он и не видели другие, и самого экзорциста.

— Да что ты можешь? — усмехнулся Неттесгейм. — Жалкое создание тьмы. — И, осознавая и ловя момент, торжественно произнес: — Во имя Господа, приступим же! — и начал читать наизусть: — Изыйди, злой дух, полный кривды и беззакония! Изыйди, исчадие лжи, супостат хитрости и бунта! Изыйди, изгнанник рая, недостойный милости Божией! Изыйди, сын тьмы и вечного подземного огня! Изыйди, хищный волк, черный демон, дух ереси, исчадие ада, приговоренный к вечному огню!¹

Со всем бешенством одержимый заметался по клетке. Со стен уже полетели предметы — щипцы и плети. Огонь затрепетал в факелах солдат, будто какой-то великан сейчас подул на них.

— Изыйди, негодное животное, — продолжал Неттесгейм, — худшее из всех существующих! Изыйди, вор и хищник, полный сладострастия и стяжания! Изыйди, дикий вонючий кабан, злой дух, приговоренный к вечному мучению! Изыйди, грязный обольститель и пьяница! Изыйди, корень всех зол и преступлений, изверг рода человеческого, злой насмешник! Изыйди, враг правды и жизни, грязный источник несчастий и раздоров! Изыйди, бешеный пес, подлая змея, дьявольская ящерица!

Все услышали странный отдаленный железный лязг — так отворяются проржавевшие двери. Изумленные, люди стали переглядываться, ища ответа и подтверждения. Но он был, этот звук!

¹ Тут и далее в той или иной форме реплики взяты из настоящей проповеди средневекового экзорциста.